

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

Незабываемый день в жизни Бальтасара

Клетка была готова, и Бальтасар, как он обычно делал с клетками, повесил ее под навес крыши. И он еще не кончил завтракать, а уже все вокруг говорили, что это самая красивая клетка на свете. Столько народу торопилось ее увидеть, что перед домом собралась толпа, и Бальтасару пришлось снять клетку и унести назад в мастерскую.

— Побрейся, — сказала Урсула, — а то ты похож на капуцина.

— Бриться сразу после завтрака плохо, — возразил ей Бальтасар.

У него была двухнедельная борода, короткие волосы, жесткие и торчащие как грива у мула, и лицо испуганного ребенка. Однако выражение этого лица было обманчиво. В феврале Бальтасару исполнилось тридцать, в незаконном и бездетном сожителстве с Урсулой он пребывал уже четыре года, и жизнь давала ему много оснований быть осмотрительным, но ни одного — чтобы чувствовать себя испуганным. Ему не приходило в голову, что клетка, которую он только что закончил, может показаться кому-то самой красивой на свете. Для него, делавшего клетки с самого детства, эта последняя работа была лишь чуть трудней первых.

— Тогда отдохни, — сказала женщина — С такой бородой нельзя выйти на люди.

Он послушно лег в гамак, но ему то и дело приходилось вставать и показывать клетку соседям. Урсула сначала не обращала на нее никакого внимания. Она была недовольна, что он совсем перестал столярничать и две недели занимался одной только клеткой, плохо спал, вздрагивал, разговаривал во сне и ни разу не вспоминал о том, что надо побриться. Но когда она увидела клетку, ее недовольство прошло. Пока Бальтасар спал, Урсула выгладила ему рубашку и брюки, повесила их на стул рядом с гамаком и перенесла клетку на стол, в комнату. Там она молча стала ее разглядывать.

— Сколько ты за нее получишь? — спросила она, когда он проснулся после сиесты.

— Не знаю, — сказал Бальтасар. — Попрошу тридцать песо — может, дадут двадцать.

— Проси пятьдесят, — сказала Урсула. — Ты недосыпал две недели. И потом она большая. Знаешь, это самая большая клетка, какую я только

видела.

Бальтасар начал бриться.

— Думаешь, дадут пятьдесят?

— Для дона Хосе Монтьеля такие деньги пустяк, а клетка стоит больше, — сказала Урсула. — Тебе бы надо шестьдесят просить.

Дом плавал в удушающе-знойной полутени, и от стрекота цикад жара казалась еще невыносимей. Покончив с одеванием, Бальтасар, чтобы хоть немного проветрить, распахнул дверь в патио, и тогда в комнату вошли ребяташки.

Новость уже распространилась. Доктор Октавио Хиральдо, довольный жизнью, но измученный своей профессией, думал, завтракая в обществе хронически больной жены, о новой клетке Бальтасара. На внутренней террасе, куда они выносили стол в жаркие дни, стояло множество горшков с цветами и две клетки с канарейками. Жена доктора любила своих птиц, любила так сильно, что кошки, существа, способные их съесть, вызывали у нее жгучую ненависть. Доктор Хиральдо думал о жене, когда во второй половине дня, возвращаясь от больного, зашел к Бальтасару посмотреть, что у него за клетка.

В доме у Бальтасара было полно народу. На столе красовался огромный проволочный купол, в нем было три этажа. С словно игрушечными переходами, с отделениями для еды и для сна и с трапециями в специально отведенном для отдыха птиц месте, ее клетка казалась макетом гигантской фабрики по производству льда. Не прикасаясь к клетке, врач внимательно ее оглядел и подумал, что на самом деле она превосходит даже то, что он о ней слышал, и несравненно прекраснее всего, о чем он мечтал для своей жены.

— Настоящий подвиг фантазии, — сказал он.

Добрый, почти материнский взгляд его отыскал Бальтасара, и доктор добавил:

— Из тебя получился бы прекрасный архитектор.

Бальтасар густо покраснел.

— Спасибо, — сказал он.

— Это правда, — отозвался врач. У него были изящные руки, и он был полный и гладкий, как женщина, бывшая некогда красивой, а голос его звучал как голос священника, говорящего по-латыни. — В нее и птиц не надо сажать, — сказал он, поворачивая клетку перед глазами любопытных, будто он предлагал ее купить. — Повесь между деревьями, и она сама запоет.

Он поставил клетку на место, подумал немного, глядя на нее, и сказал:

— Хорошо, я ее беру.

— Она уже продана, — ответила Урсула.

— Сыну дона Хосе Монтъеля, — объяснил Бальтасар. — Он ее заказывал.

Всем своим видом доктор выразил почтение.

— Он дал тебе образец?

— Нет, просто сказал, что ему нужна большая клетка, вот как эта — в ней будут жить две иволги.

Врач снова посмотрел на клетку.

— Иволгам она не подходит.

— Подходит, доктор, — сказал Бальтасар. Его окружали дети. — Все размеры точно рассчитаны, — продолжал он, показывая на разные отделения клетки. Он ударил костяшками пальцев по куполу, и клетка торжественно запела. — Проволоки прочнее этой не найдешь, и каждое соединение спаяно изнутри и снаружи.

— Даже для обезьяны годится, — вставил кто-то из детей.

— Верно, — согласился Бальтасар. Врач повернул к нему голову.

— Хорошо, но ведь образца он тебе не дал? И не описал определенно? Просто: «Большая клетка для иволги». Верно?

— Верно, — подтвердил Бальтасар.

— Значит, и раздумывать нечего, — сказал врач. — Одно дело большая клетка для иволги, и совсем другое дело — твоя клетка. Кто докажет, что это та самая клетка, которую тебе заказывали?

— Это она, — сказал сбитый с толку Бальтасар. — Потому я ее и сделал.

Врач досадливо поморщился.

— Ты бы мог сделать и другую, — сказала Урсула, пристально глядя на Бальтасара, а потом повернулась к врачу. — Вам ведь не к спеху?

— Я обещал жене принести ее сегодня.

— Вы уж извините, доктор, — сказал Бальтасар, — но нельзя продать вещь, которая уже продана.

Врач пожал плечами. Вытирая потную шею платком, он молча уставился на клетку. Не отрываясь, он глядел в какую-то невидимую для других точку, как глядят на исчезающий вдали корабль.

— Сколько тебе за нее дали?

Бальтасар, не отвечая, отыскал взглядом Урсулу.

— Шестьдесят песо, — сказала она. Врач все смотрел и смотрел на клетку.

— Очень хороша, — вздохнул он. — Удивительно хороша. Доктор

двинулся к двери, улыбаясь, энергично обмахиваясь платком, и тут же воспоминание об этом эпизоде начало навсегда стираться в его памяти.

— Монтъель очень богат, — сказал он, выходя из комнаты. На самом деле Хосе Монтъель не был таким богачом, каким казался, но был готов на все, чтобы им стать. Всего за несколько кварталов отсюда, в доме, доверху набитом вещами, где никогда даже не пахло тем, чего нельзя было бы продать, он с полнейшим равнодушием слушал рассказы о новой клетке Бальтасара. Его супруга, терзаемая навязчивыми мыслями о смерти, закрыла после обеда все окна и двери и два часа неподвижно пролежала в полутьме с открытыми глазами, в то время как сам Хосе Монтъель сладко дремал. Его разбудил шум голосов. Тогда он открыл дверь и увидел перед домом толпу, а в толпе — Бальтасара с клеткой, свежесбритого, во всем белом и выражение лица у него было почтительно-наивное — то самое, какое бывает у бедняков, когда они приходят в дома богатых. — Да это просто чудо какое-то! — с радостным изумлением воскликнула супруга Монтъеля, ведя Бальтасара за собой в дом. — Ничего похожего я в жизни не видела!

И, возмущенная бесцеремонностью толпы, вливавшейся вслед за Бальтасаром в дверь патио, добавила:

— Нет, лучше вы несите внутрь, а то они превратят нам дом бог знает во что.

Бальтасар бывал в этом доме и раньше — несколько раз, зная его мастерство и любовь к своему делу, его приглашали сюда для выполнения мелких столярных работ. Однако среди богатых ему было не по себе. Он часто думал о них, об их некрасивых и вздорных женах, об ужасающих болезнях и неслыханных хирургических операциях, и всегда их жалел. Когда он входил в их дома, ноги плохо слушались его и каждый шаг стоил ему усилия.

— Пепе дома? — спросил Бальтасар, ставя клетку на стол.

— В школе еще, — ответила жена Монтъеля. — Скоро должен прийти.

И добавила:

— Монтъель моется.

В действительности же Хосе Монтъель помыться не успел и сейчас торопливо обтирался камфарным спиртом, собираясь выйти посмотреть, что происходит. Человек он был такой осторожный, что спал, не включая электрического вентилятора — тот помешал бы ему следить во сне за всеми шорохами в доме.

— Аделаида! — крикнул он. — Что там такое?

— Иди посмотри, какая чудесная вещь! — ответила жена. Хосе

Монтъель, тучный, с волосатой грудью и накинутым на шею полотенцем, высунулся из окна спальни.

— Что это?

— Клетка для Пепе, — ответил Бальтасар. Женщина посмотрела на него растерянно.

— Для кого? — выдохнул Монтъель.

— Для Пепе, — повторил Бальтасар. — Пепе заказал ее мне.

Ничего не произошло, но Бальтасару почудилось, будто перед ним открыли дверь бани. Хосе Монтъель вышел в трусах из спальни.

— Пепе! — закричал он.

— Он еще не пришел, — сказала жена вполголоса, не двигаясь с места.

В дверном проеме появился Пепе. Это был двенадцатилетний мальчик с теми же, что и у матери, загнутыми ресницами и с таким же, как у нее, выражением тихого страдания на лице.

— Иди сюда, — позвал его Хосе Монтъель. — Ты заказывал это?

Мальчик опустил голову. Схватив Пепе за волосы, Монтъель заставил мальчика посмотреть ему в глаза.

— Отвечай!

Тот молча кусал губы.

— Монтъель... — прошептала жена.

Хосе Монтъель разжал руку и резко повернулся к Бальтасару.

— Жаль, что так получилось, Бальтасар, — сказал он. — Прежде чем приступить к делу, надо было поговорить со мной. Только тебе могло прийти в голову условиться с ребенком.

Лицо его вновь обрело утраченное было выражение покоя. Даже не взглянув на клетку, он поднял ее со стола и протянул Бальтасару.

— Сейчас же унеси и продай кому-нибудь, если сумеешь. И очень тебя прошу, не спорь со мной.

А потом, хлопнув Бальтасара по спине, объяснил:

— Мне доктор запретил волноваться.

Мальчик стоял словно окаменев. Но вот Бальтасар с клеткой в руке растерянно посмотрел на него, и тот, издав горлом какое-то хриплое рычанье, похожее на собачье, бросился на пол и зашелся криком.

Хосе Монтъель безучастно смотрел, как мать его успокаивает.

— Не поднимай его, — сказал он. — Пусть разобьет голову об пол. А потом подсыпь соли с лимоном, чтоб веселей было беситься.

Мальчик визжал без слез; мать держала его за руки.

— Оставь его, — снова сказал Монтъель.

Бальтасар смотрел на мальчика, как смотрел бы на заразного зверя в агонии. Было уже почти четыре. В этот час у него в доме Урсула, нарезая лук, поет старую-престарую песню.

— Пепе, — сказал Бальтасар.

Он шагнул к мальчику и, улыбаясь, протянул ему клетку. Мальчик вмиг оказался на ногах, обхватил ее, по высоте почти такую же, как и он сам, обеими руками и, не зная, что сказать, уставился сквозь металлическое плетение на Бальтасара. За все это время он не пролил ни одной слезинки.

— Бальтасар, — мягко вмешался Хосе Монтьель, — я ведь сказал тебе: сейчас же унеси клетку.

— Отдай ее, — сказала женщина сыну.

— Оставь ее себе, — сказал Бальтасар.

А потом, обращаясь к Хосе Монтьелю, добавил:

— В конце концов, для этого я ее и сделал. Хосе Монтьель шел за ним до самой гостиной.

— Не валяй дурака, Бальтасар, — настаивал он, пытаясь его задержать. — Забирай свою штуквину и не делай больше глупостей. Все равно не заплачу ни сентаво.

— Неважно, — сказал Бальтасар. — Я сделал ее Пепе в подарок. Я и не рассчитывал ничего за нее получить.

Пока Бальтасар пробивался сквозь толпу любопытных, которые толкались в дверях, Хосе Монтьель, стоя посреди гостиной, кричал ему вслед. Он был бледен, а глаза его все больше наливались кровью.

— Дурак! — кричал он. — Забирай сейчас же свое барахло! Не хватало еще, чтобы в моем доме кто-то распоряжался, дьявол тебя подери!

В бильярдной Бальтасара встретили восторженными криками. До сих пор он думал, что просто сделал клетку лучше прежних своих клеток и должен был подарить ее сыну Хосе Монтьеля, чтобы тот не плакал, и что во всем этом нет ничего особенного. Но теперь он понял, что многим судьба клетки почему-то небезразлична, и расстроился.

— Значит, тебе дали за нее пяťдесят песо?

— Шестьдесят, — ответил Бальтасар.

— Стоит сделать зарубку в небесах, — сказал кто-то. — Ты первый, кому удалось выбить столько денег из дона Хосе Монтьеля. Такое надо отпраздновать.

Ему поднесли кружку пива, и он ответил тем, что заказал на всех присутствующих. Так как пил он впервые в жизни, то к вечеру был уже совсем пьян и стал рассказывать о своем фантастическом плане: тысяча клеток по шестьдесят песо за штуку, а потом миллион клеток, чтобы вышло

шестьдесят миллионов песо.

— Надо наделать их побольше, чтобы успеть продать богатым, пока те живы, — говорил он, уже ничего не соображая. — Все они больные и скоро помрут. Какая же горькая у них жизнь, если им даже волноваться нельзя!

Два часа без перерыва музыкальный автомат проигрывал за его счет пластинки. Все пили за здоровье Бальтасара, за его счастье и удачу и за смерть богачей, но к часу ужина он остался один.

Урсула ждала его до восьми вечера с блюдом жареного мяса, посыпанного колечками лука. Кто-то сказал ей, что Бальтасар в бильярдной, что он одурел от успеха и угощает всех пивом, но она не поверила, потому что Бальтасар еще ни разу в жизни не пил. Когда она легла, уже около полуночи, Бальтасар все еще сидел в ярко освещенном заведении, где были столики с четырьмя стульями вокруг каждого и рядом, под открытым небом, площадка для танцев, по которой сейчас разгуливали выпившие. Лицо его было в пятнах губной помады, и, хотя был не в силах подняться с места, он думал о том, что хорошо было бы лечь в одну постель с двумя женщинами сразу. Расплатиться с хозяином ему было нечем, и он оставил в залог часы, пообещав уплатить все на другой день. Позже, лежа посреди улицы, он почувствовал, что с него снимают ботинки, но ради них ему не хотелось расставаться с самым прекрасным сном в его жизни. Женщины, спешившие к утренней мессе, боялись на него смотреть: они думали, что он мертв.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)